

КАК КАРТА ЛЯЖЕТ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

16+

Галина Малыгина

Как карта ляжет

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Малыгина Г.

Как карта ляжет / Г. Малыгина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Мы сталкиваемся с выбором каждый день: у перекрёстка, в магазине, даже во сне. Просчитать бы последствия, узнать заранее, как карта ляжет... Но — увы! — сделать это чаще всего невозможно. А что если?.. Переживать, радоваться, замечать оттенки — вот чему учат сюжеты, вошедшие в этот сборник.

Содержание

Лотерея	5
Некоторые тайны должны оставаться тайнами	8
Космонавт	12
Флешка	15
Санта-Барбара сельского масштаба	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лотерея

Галина Малыгина

«Мир – лотерея богатств, званий, почестей, прав, отыскиваемых без основания и раздаваемых без выбора»

Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ)

Она любила
Лотерейные билеты
И каждую неделю
"Русское Лото".
Не отходя от телека,
Курила сигареты,
Пуская дым
В открытое окно.
Или горстями
Лопала конфеты,
Плевав на килограммы
И запреты.

Случалось так,
Что выигрыши были,
Но мелкие,
Точнее – ни о чем.
Хватало на покупку
Нового билета,
Но ей мечталось
Не о том.
В ее придуманном
И личном
Зазеркальном мире
Она жила в шикарной
Собственной квартире,
Каталась в новенькой машине
И одевалась в бутиках.
В реальной жизни -
Полный крах.
Она была
Ужасно одинока,
Работала в сельпо,
Жила убого, серо
И давно
Сыграть мечтала
В казино.
И вот однажды
День такой настал.
История умалчивает
Кто позвал.
Но факт есть факт.
Она играет
И денежки
Неплохо загребает.
Игра продолжается
Час или два.
От счастья
Кружится ее голова.
Локтем задевает,
Фишку на пол роняет.
Поднять потянулась и...
В то же мгновение...
Быстро проснулась.
В квартире темно,
Тишина и ни звука.
Лишь только часы
Где-то тикают глухо.
Да, наша жизнь
Лотерея сплошная.
Кому-то удача
Бывает большая.

Кому-то везет -
Деньги валятся с неба,
Другим же – домой
Не купить даже хлеба.
Но сидя на месте,
Мечтая о сказках,
Вы вряд ли увидите
Жизнь в ярких красках.

Автор Галина Малыгина @gala_happiness
Иллюстрация Галина Малыгина

Некоторые тайны должны оставаться тайнами

Елена Герасимова

*«Если сияние тысячи солнц
вспыхнуло бы в небе,
это было бы подобно
блеску Всемогущего...»
Древнеиндийская книга «Бхагавадгита»
(«Песнь Господа»).*

Далеко-далеко за морями, за лесами жил маленький народец. В живописной зелёной равнине, окружённой со всех сторон неприступными горами, раскинулось его поселение.

Куда ни глянь – аккуратные домики с разноцветными крышами, клумбы с яркими цветами. В садах плодоносят яблони и груши, на огородах зреют тыквы и множество других овощей. Хозяйки варят малиновое варенье, у мужчин – рыбалка и охота. Живи и радуйся!

Но юному Торину такая жизнь казалась скучной. Закидывая удочку в озеро или подстрелив куропатку, нет-нет да и посмотрит он в сторону высоких гор. Проследит глазами за облаками, плывущими вдали над скалистыми вершушками, да позавидует им.

С детства слышал юноша страшные истории о том, что скрывается по ту сторону. Старцы рассказывали о злых духах, которые сеют мор и убивают всё живое вокруг себя. Были в их

поселении смельчаки, которые не верили старшим и уходили через горы. Что их ждало там – неизвестно, ведь обратно никто не вернулся.

– Эй, Торин, опять замечтался? Смотри, клюёт же! – воскликнула Эва и опустилась на камень рядом с юношей. Какой же он красивый... Маленького роста, худощавый и абсолютно без волос.

Все в их деревне были или совсем гладкие, или частично. Одна Эва уродилась с густыми тёмными волосами, что её, конечно, не красило. Мальчишки дразнили, а Торин всегда защищал.

– А, привет! И потише давай, всю рыбу мне распугаешь, – грозно для вида сказал юноша и улыбнулся. Не красавица, конечно, с такой-то волосистостью на голове, но друг хороший.

– Ты как хочешь, а я здесь больше не останусь! Завтра ухожу, – Торин вытащил удочку с голым крючком и присел рядом с девушкой.

– А как же я? Ты один смотришь на меня без жалости и отвращения.

– Глупости! – парень покосился на Эву. Это же надо было родиться такой уродиной. Длинные ресницы, густые брови, румянец во все щёки, губы алые. Вот не повезло девчонке. Кто её такую замуж возьмёт...

– А можно мне с тобой?

– Ещё чего! Дорога тяжёлая и долгая, да и неизвестно, что там, на той стороне.

– Зато мне известно, что здесь ничего хорошего меня не ждёт.

– Ну смотри, устанешь, отстанешь – ждать не буду.

Ещё не рассвело, а беглецы были уже у подножья горы. Сначала идти было легко, тропинка вилась сквозь деревья и кустарники, забирая всё круче и круче вверх. Торин специально шёл не останавливаясь, надеясь, что девушка устанет и сама вернётся домой. Но Эва не отставала, легко шла и даже напевала песенку.

Остановились они лишь к вечеру, когда юноша совсем выбился из сил и буквально рухнул под дерево на палую листву.

– Устала поди? Ладно, сделаем привал.

Девушка, улыбаясь, опустилась рядом.

Ночью в лесу похолодало. Чтобы согреться, они обнялись и уснули. Эве снилось, что она стала такой же красивой, как Торин: её длинные ресницы и брови осыпались, тёмные волосы повыпадали.

Несколько дней они шли всё выше и выше. Зелёная трава и деревья сменились сначала редким кустарником, а затем – белым ковром снега. По ночам, пока ещё был хворост, Торин разводил костёр. Но ближе к вершине стали заканчиваться припасы и дров уже было не найти.

– Если сегодня мы не перейдём на ту сторону, то просто замёрзнем здесь, – юноша снял с себя шарф и обмотал им голову Эвы.

Они всё шли и шли. На высоте стало трудно дышать. Спустя время, совсем выбившись из сил, добрались до вершины. Взявшись за руки и едва держась, чтобы не рухнуть, обернулись назад. Их деревня с такой высоты была не видна. Более не оглядываясь, сделав последний рывок, они перешли на ту сторону.

Завывающий ветер бросал в лицо колючий снег, пытаясь своей ледяной рукой развернуть глупых людей обратно. Но разве можно остановить молодые горячие сердца?

Рассмотреть, что внизу, было невозможно. Бушевала метель, недовольная, что кто-то вторгся в её владения. Белой холодной стеной старалась она преградить дорогу беглецам.

Парень с девушкой сели на пустую кожаную сумку Торина и покатались вниз. Они неслись на огромной скорости. Эва от ужаса закрыла глаза, а юноша смотрел, стараясь не пропустить момент, когда надо начать тормозить. Страх неизвестности, азарт спуска, любопытство, понимание, что нет пути назад, ответственность за девушку – всё это летело вместе с Ториним.

Постепенно снег из белого стал превращаться в серый и почти чёрный. Ближе к подножью горы, необремененной никакой растительностью, парень с девушкой рухнули в нечто мягкое и наконец остановились.

Замёрзшие, голодные и усталые, они с надеждой оглянулись вокруг. Но надежда и это место были несовместимы. Перед ними расстилалась безжизненная пустыня. С мрачного неба падали грязные хлопья снега и не тая покрывали землю серым слоем.

– Торин, это не снег, – Эва зачерпнула пригоршню и поднесла к лицу.

– Это пепел! – воскликнул юноша, и тревожно предчувствие охватило его. – Подняться обратно будет трудно, – Торин обернулся на покрытую снегом огромную гору, вершина которой уходила за облака.

Эва поправила выбившиеся из-под шарфа пряди и с удивлением увидела, что часть волос выпала.

– Идём, до темноты надо найти, где укрыться, – юноша взглянул вверх, где сквозь свинцовые тучи и мглу с трудом пробивался солнечный свет.

Идти по слою пепла было непривычно – ноги мягко утопали в нём, заглушая звуки шагов. Ничто не нарушало тишину этого места.

Спустя время вдаль показались сооружения.

– Ну вот, смотри, там должны быть люди и жильё.

– Тепло и еда, – Эва улыбнулась и сильнее сжала руку юноши.

Перед ними раскинулся разрушенный город: остовы рухнувших зданий, груды бетонных плит, покорёженные дома и ни одной живой души.

– Это сделали злые духи? Старцы нас не обманывали? – девушка судорожно вздохнула и с испугом взглянула на Торина.

– Смотри, там дом. Кажется, он уцелел больше других. Идём туда.

Маленькое здание чудом сохранилось среди руин. Стёкла и двери были выбиты, в комнатах на полу – слой пепла и сгоревшая мебель. В глубине – открытый люк и полусломанная, без нескольких ступеней металлическая лестница, ведущая вниз. С трудом спустившись, они оказались в подвале.

Торин достал из кармана свечу и зажёл. В полумраке в высоком кресле неподвижно сидел человек.

– Это же Юхан, последний ушедший из деревни несколько лет назад! – воскликнула Эва и прижала руки к груди, стараясь успокоить заколотившееся в испуге сердце.

– Смотри, у него что-то в руках, – с трудом разжав скрюченные пальцы мертвеца, Торин достал тетрадь.

Это был дневник того, кто жил здесь много лет назад: «Миллионы тонн сажи и радиоактивной пыли. Ядерная зима. Изменение климата. Война за ресурсы. Лучевая болезнь. Смерть». Не всё из прочитанного было понятно юноше. Но главное он осознал.

– Надо срочно возвращаться домой! Мы должны показать тетрадь всем и рассказать, что здесь произошло. Предупредить их... – его начало тошнить, наверное, от голода.

– Смотри, кровать и одеяло. Бак с водой наполовину полный, уже хорошо, – Эва обернулась и увидела умолкнувшего Торина, лежащего на полу.

Девушка помогла ему перебраться на кровать и напоила водой. Обессиленные, они уснули.

Тусклый солнечный свет, чудом добравшийся в подвал через открытый люк, разбудил Торина. Открыв глаза, он посмотрел на прекрасную спящую Эву. Ресницы и брови её опали, тёмные волосы выпали и разметались по подушке.

Не в силах встать, он лишь смог прижать к себе бездыханное тело и заплакать...

Автор Елена Герасимова @elena.bookby
Корректор Лиза Глум

Космонавт

Юлия Яшина

*Может ли плохой отец – стать хорошим?
Или брошенный ребёнок – быть счастливым?
Обиженная женщина – остаться мудрой? Можно ли, сохранить уважение к человеку,
который тебя предал?
Каждый день мы сталкиваемся
с решениями, которые,
так или иначе, меняют нашу жизнь.
Но как принять верное
решение, если от него зависит
не только будущее, но и
твоеё счастливое прошлое...*

Я узнал, что мой папа космонавт, когда мне было три года. Ох, как же я им гордился! Я рассказывал о нём каждому, с кем мне приходилось говорить дольше минуты! Они улыбались мне, а потом переводили взгляд на мою маму, видимо, чтобы выразить ей почтение за мужа-

героя, но она только молча кивала и опускала глаза. Мама у меня скромная. Один только Энди, мы ходили вместе в садик, всегда говорил:

– Космонавт? И это, по-твоему, круто!?! Мой папа – полицейский! Вот это по-настоящему круто!

– Мой папа круче твоего, потому что у него есть своя ракета!

– А у моего есть настоящий пистолет!

Пистолет – это, конечно, классно, но РАКЕТА! В общем, наши споры с Энди почти всегда заканчивались дракой, за что воспитательница лишала нас сладкого. Я помню день, когда Энди хвастал, что его папу отправили на секретное задание для *самого* президента, а я, чтобы не ударить в грязь лицом, соврал, что моего отправили изучать Марс, и папа сказал, что я тоже могу туда полететь, когда он всё там устроит. Но, по факту мы были мальчишками, которых просто-напросто бросили.

– Мама, мой папа умер? – спросил я, когда мне было девять лет. К тому времени я многое узнал о космосе и догадался, что что-то здесь не так.

– Нет, Луи... – ответила она, – Он просто уехал в другой город.

Я замучил её вопросами: «А зачем? Почему? А когда он приедет? И почему не звонит?», – только сейчас понимаю, как же ей было непросто мне всё объяснить. Тогда она пообещала, что мы съездим к нему на летние каникулы. А в первые летние деньки сказала, что ей предложили очень хорошую работу, поэтому она не сможет сейчас уехать. Помню, я жутко обиделся! Папа ждал меня, а она согласилась на какую-то там работу. Тем более у неё уже была одна работа, и зачем ей вторая, я понять не мог. Следующим летом заболел дедушка, и мы поехали к нему. А потом я просто перестал спрашивать, когда мы поедem к отцу.

Теперь мне шестнадцать, я знаю, что он просто ушёл от нас и не ждал меня каждое лето. И что настоящий герой – моя мама, пусть и без ракеты или даже пистолета.

Сегодня я получил письмо. Ожидая ответа из колледжа, я с волнением разорвал конверт.

«Привет Луи. Я пишу это письмо уже в девятый раз. Не знал, как правильно начать его... Я хочу встретиться с тобой, сын. Постой! Не спеши комкать письмо, дочитай его, прошу! Я знаю, ты считаешь, что я негодяй, который бросил тебя, бросил мать... Но я клянусь тебе! Я никогда ни на секунду не забывал о тебе! Я совершил ошибку. Хотел вернуться к вам, умолял твою маму, обещал исправиться... И я исправился! Но, к сожалению, она сделала всё, чтобы я не мог встречаться с тобой. Я ни в коем случае не оправдываю своё отсутствие, просто хочу, чтобы ты знал, я очень люблю тебя Луис! Нам нужно поговорить, мне нужно сказать тебе кое-что очень важное. Я в городе на неделю, остановился в гостинице «Рояль». Напротив есть кофе, я буду ждать тебя там каждый вечер, надеюсь, ты придёшь... На обратной стороне мой телефон. Сынок, я прошу тебя, дай мне шанс».

– Луи, милый! Мне нужна твоя помощь! – раздался голос матери.

Я быстро свернул письмо и сунул его под подушку. На просьбу спуститься отреагировал не сразу. Если честно письмо меня мягко сказать ошаршило. Чувствую себя так, словно только что слез с чумового аттракциона, и сейчас меня малость подташнивало.

– Луи, сегодня у нас гости, я занимаюсь ужином. Хочу, чтобы ты подготовил задний двор. И принеси дров к мангалу.

– Ты серьёзно? – воскликнул я, подойдя к двери, ведущей на задний двор, – что тут было!?!

– Я высадила бегонии, – улынулась мама.

– Да, ты весь двор перелопатила! Я до ночи буду здесь убирать!

– Глаза бояться – руки делают! У меня тоже куча дел, помоги мне, ладно? – не дожидаясь ответа, она отправилась на кухню.

Я тяжело вздохнул и вышел во двор. За работой есть над чем подумать. Странное дело, я мечтал встретить отца, сколько себя помнил, а теперь вот он, сам желает встретиться, а я

забуксовал. Я столько раз встречался с ним в своих мыслях, что, казалось, всё, что хотел сказать, уже сказал, всё, что хотел сделать, сделал. «Дорога ложка к обеду», – как сказала бы мама. Когда он был космонавтом, мы встречались на маленькой планете и сидели как в повести Антуана де Сент-Экзюпери. Удивительные были встречи. С четвёртого по шестой класс мы с ним обошли все Диснейленды, зоопарки, съели столько мороженого, что я даже заболел и, так как не смог бы ходить в школу, остался пожить с ним и после каникул. Счастливым было время... До сегодняшнего дня я был обижен на него, он бросил меня! Ему было плевать! И вот теперь: «Я никогда ни на секунду не забывал о тебе! Я очень люблю тебя Луис!». Ребёнок внутри меня уже надел любимую бейсболку и, придавив липучку на сандаликах, скрылся за дверью. Я же, как напуганный уличный пёс, пока не решил, стоит ли понюхать протянутую руку.

Уже три дня я хожу по дому как призрак. Вопрос «идти или не идти» сводит меня с ума. Я прокрутил в голове уже все возможные сценарии и диалоги этой встречи. Таких неловких посиделок в моей жизни ещё не было. Ровно, как и такого сложного решения. Я стоял на развилке, где с одной стороны меня ждало счастливое воссоединение, а с другой – полное разочарование. Была и третья тропинка, в которой отец навсегда остался бы космонавтом из моего детства. Но страх, что выбрав эту тропинку, я когда-нибудь пожалею о том, что упустил возможность с ним познакомиться, не давал мне покоя.

– Мам, а почему папа ушёл? – «Да здравствуют неловкие разговоры», – подумал я, наблюдая за застывшей от неожиданности мамой.

– Луи, так бывает... – не сразу начала мама, – Просто мы с твоим отцом, – выдержав ещё одну паузу, она продолжила, – Не нашли общей дороги... – я подумал о своей развилке, и понял, что родители те ещё избиратели пути, видимо, решение мне придётся принимать самому. – Сынок, ты прости, но я не готова к этому разговору. Мне непросто об этом говорить.

– Просто я подумал... А что, если он исправился?

Мама закатила глаза и многозначительно посмотрела на меня. «Горбатого могила исправит», – словно прочёл я её мысли.

– Луи, мы через многое прошли с твоим отцом. Когда-нибудь я, возможно, расскажу тебе больше. Но сейчас... – в её глазах я увидел боль. Что бы папа ни натворил, она до сих пор не простила его.

Письмо я сжёг. Мама сумела воспитать во мне любовь и уважение к отцу, несмотря на то, что он её обидел. Я уверенно шагнул в мир, где мой отец крутой кумир моего детства. И пусть я буду по-прежнему представлять его улыбку сквозь запотевший скафандр, чем узнаю то, что разобьёт все мои детские мечты. Через год я пригласил маму в кофе напротив гостиницы «Рояль», мы ели мороженое за столиком, где возможно, сидел он – мой космонавт.

Автор Юлия Яшина @yashina.yuliya91

Иллюстрация Юлия Яшина

Флешка

Надежда Терещенко

– Она бы мне дала? – Корж задумчиво жевал соломинку, старательно разглядывая облака. Предмет разговора растянулся немного правее, подставив тёплому майскому солнышку длинные бледные ноги под закатанными штанинами спецовки.

– Тебе не знаю. Но чтобы сюда попасть, она точно кому-то дала... – Седой ткнул пальцем вверх.

– Разговорчики, – парни вяло мне кивнули и сменили тему.

Девочка потянулась и перевернулась на живот. Стало только хуже.

В половую версию я не верил. Скорее в родственные связи. Как ещё продвинуть по службе барышню с туманной профессией "специалист по информации"? Только пропихнуть её в какую-нибудь спецоперацию. Жаль, что операция эта была моей.

Неделю назад, когда Казак сообщил мне о гражданской в группе я сильно расстроился. Зачем мне лишний человек, если всего-то и нужно встретить курьера в горах и изъять у него информацию об одной молодой, но очень амбициозной группировке. В первый раз, что ли?

Казак что-то говорил о специфичности носителя, на котором вся эта информация была записана. Но говорил он как-то не очень уверенно и расплывчато, видимо, сам толком ничего не знал. А вот приказ на девочку спустили с самого верха.

– Руки к ней не тянуть, шутки с ней не шутить, – тут Казак скривился, видать понял, что обычное задание на глазах превращается невыполнимое.

Вся операция требовала пересмотра, если сначала нам хватало пять дней на всё, то теперь следовало учитывать балласт. Не знаю, есть ли у неё хоть какая-то подготовка, кроме спортзала. Фитнес слабый помощник в марш-броске по горам. Да и не представляю, как можно пятерых мужиков удержать не шутить о бабе, если она, баба эта, будет всё время маячить рядом. Парни мои с хорошим чувством юмора, а тут объект шуток и цензура в одном лице.

Я ошибался. Чувство юмора парней было неглавной моей проблемой. Знакомство с гражданской произошло перед вылетом. Отсвечивая новенькой спецовкой, в самолёт вошла Марина Анатольевна. Слишком длинно для барышни, которой нет и двадцати пяти. К бюсту аппетитного размера в комплекте шли пара модельных ног и чёрные ведьмовские глаза. Не иначе в роду цыгане потоптались. М-да.

За три дня её форма уже не казалась такой уж новой. Горы не щадили никого. Да и я постарался. Первые два дня заставил топтать в повышенном темпе. Девочка валилась с ног на привалах, но молчала. На второй день уже парни смотрели на меня с укором. Да и смысла не было бежать, мы и так шли с опережением. Назавтра мы вернулись к нормальному темпу. Все немного расслабились, девочка решила позагорать, а парни... Лучше бы они шутили, ей-богу!

На заданную точку мы вышли в четыре вечера. Курьер должен был появиться или этой ночью ближе к рассвету, или следующей. Сюрпризы начались, когда я распределял дежурства:

– И меня запишите.

У меня видимо что-то случилось с лицом, парни синхронно закашляли. А Седой изобразил пантомимой что-то вроде «жили-жили, бац, усрались!»

– Вам нужно какое-то определённое время или конкретный напарник?

Девочка резко зарумянилась, намёк поняла и, судя по всему, запомнила.

– Во все смены, пожалуйста. Вот.

Она достала из внутреннего кармана конверт. Мелькнула ведомственная печать. Кашель у парней волшебным образом прошёл. Седой беззвучно сплюнул.

«..оказывать уважение». Ага. Прямо вот только что оказал. Да.

«Максимальное содействие» и отдельной строкой контроль за прибытием курьера «...в целях минимизации повреждений носителю».

Шах и мат.

Я заступил в два. Марина Анатольевна бессовестно дрыхла, привалившись к камню спиной. Корж беззвучно хмыкнул, просигналил бровями и пошёл досыпать. Я устроился поудобнее, обозрел окрестности в ПНВ и мельком мазнул по девчонке.

Она не спала.

Просто сидела.

Неподвижно.

И смотрела. На меня.

– Идёт, – секунда, и я клянусь, ударил бы на звук.

За час совместного дежурства я почти привык к её молчаливому присутствию. И не ожидал, что она может так тихо подкрадываться.

– Там, – она коротко указала рукой в нужном направлении.

Сначала я ничего не увидел, но возражать или отмахиваться от девчонки не стал. Её тёплое дыхание на шее резко контрастировало с майской ночью. Скорее бодрило, чем отвлекало. Может быть, поэтому мне и удалось рассмотреть движение. Человек, одна штука в метрах тридцати на склоне.

– Только по голове не бейте, – шёпотом напутствовала нас Марина. – Он должен быть в сознании.

Ну ок, будет, красавица, тебе гостинец. В сознании. Гостинец сопротивлялся подозрительно недолго. Пришлось отправить двоих, проверить нет ли сопровождения. Наша Марина нервно мерила лагерь, но бросила это дело, едва завидев курьера.

Следующие десять минут я соображал, как в рапорте отразить то, что видел. Я реалист, всё паранормальное, по моему мнению, хорошо отрепетированная постановка одного человека для другого. Но тут...

Лицо мужика обмякло, засветились странной дымкой, а потом нечто серебристой струйкой потянулось к Марине. Куда именно мешали рассмотреть распущенные волосы. Флешка, твою мать!

Хорошо, что все мои были при деле. В том, что мне, скорее всего, не поверят, я не сомневался. Сомневался, останусь ли вообще на службе после этого.

– Шах, – из темноты вынырнул Седой. Я обернулся, заслоняя собой Марину. – Там ещё человек двадцать.

– Далеко?

– В паре километров.

Хреново. Главная задача для группы, как я понял, доставить специалиста по информации (придумали же!) в целостности и сохранности.

– Марина, уходим!

– Всё, – она встала, пошатнулась, её глаза на мгновение сверкнули серебром. – Этот нам больше не нужен.

Я и так это видел. Мужик все ещё расслабленно рассматривал ночное небо, только тёмная струйка из носа намекала на то, что ему сильно нехорошо.

– Ты видел? – шепнул Седой.

– Показалось, – уверенно ответил я.

Следующие три часа мы неслись по горам, как одноимённые козлы. Ночью это то ещё удовольствие. Вертушки мы вызвали ещё в лагере, но забрать нас смогут только на рассвете. По дороге я заметил, что наш гражданский специалист поломался. Она то и дело спотыкалась, после того как упала и чуть не скатилась со склона, пришлось тащить её на себе по очереди. Естественно, темп наш упал.

– Седой, Корж надо пошуметь. Без фанатизма.

– Есть.

Оба скрылись в предрассветном тумане. Догнали нас недалеко от места встречи. Очередь прошла над головой. Марина куклой скатилась с моего плеча. Мы залегли и сразу ответили. Слева нас поддержал пулемёт Седого. Я сменил магазин и сверился с часами. Столько мы не продержимся.

– Минута, – шепнула Марина и улыбнулась.

А потом я услышал рёв винта.

Мои парни по очереди проходили инструктаж, а заодно давали подписку. Я зашёл последним. В комнате она была одна.

– Ну вот и всё, – по губам мазнула улыбка.

– Да, – мне что-то сразу стало нечем дышать. – Мы ещё встретимся?

– Нет. Больше трёх раз я ни с кем не работаю. Это вредно.

– Трёх? Мы уже встречались?

Она печально улыбнулась, а потом её глаза засветились серебром. Я почувствовал, как что-то горячее стекает по подбородку, а потом наступила темнота...

Автор Надежда Терещенко
Иллюстрация Борисова М.А.

Санта-Барбара сельского масштаба

Евгения Ломакина

1

«До определенного момента репутация – отличная штука.

После него она становится мукой.»

Дон Жуан

– Тааня! Ты доооома? Чё делается-то! Таньк!

Татьяна, слышав женский голос с улицы, выбежала на балкон.

– Баб Ньюра, что случилось?

Та, переводя дух, поправила съехавшую набок косынку и, задрав голову кверху, выпалила:

– Смертоубийство! Ещё не случилось, но скоро будет!

Таня, привыкшая делить надвое слова первой сплетницы села, облокотившись о перила, вздохнула:

– Снова мальчишки дерутся?

– Да какие мальчишки, клуша ты городская! Говорю, Наташка скоро убьёт Анну! Либо Лёньку! А то и обоих! Скандал там у них знатный. Я чего за тобой пришла – пойдём, может, Лёнька при тебе утихомирится.

Татьяна скрылась в доме, а через минуту появилась на крыльце.

– А что случилось-то у них? – спросила она, обуваясь на ходу.

Женщины засеменили через лесок, у которого находился дом Татьяны. Предзакатное солнышко золотило верхушки верб.

– Ой, это всё Артём со своей Алёнкой! – почему-то зашептала баба Нюра, задыхаясь то ли от быстрой ходьбы, то ли от азарта. – Женюсь, говорит, на ней и точка! Наташке с Лёнькой эта влюблённость всегда просто забавой казалась. Ну погуляет парень, дело молодое. Но жениться!

– А как же Алёна? – отозвалась Татьяна.

– Пффф, если девка не умеет себя в рамках приличия сдерживать, туда ей и дорога. Мало, что ли, нагульшей выросло. Да тебе ли не знать!

Татьяна прибавила шагу. Она вернулась в родную деревню всего пару недель назад. Сбежала от городского жениха, застав с другой. Они жили в его квартире. Таня работала в его клинике. Так что, кроме домика покойной бабушки, идти ей было некуда. Да и захотелось вдруг тишины и покоя. Сонного очарования маленького посёлка. Гармонии.

Но родная деревня не подошла на роль мирного оазиса. За неделю Татьяна узнала всё о последних событиях в жизни каждого односельчанина. Информационным спонсором, конечно, была баба Нюра. Она и поведала, что сын Лёньки и Наташки, Артём, увивается за Алёнкой – дочерью немой сироты Анны, которая всю жизнь «прибирается по хаткам». На данный момент она живёт и работает в доме Леонида. Ну и Алёна при ней, помогает матери.

– Михаил сперва звал их к себе. Он добрый хозяин. И не скупой, в отличие от Леонида. Помнишь Мишку, двоюродного брата Лёньки? – стрекотала тогда баб Нюра, поймав Таню в единственном на всю деревню магазине. – Ну как же? – всплеснула она руками, видя недоумевающий взгляд Татьяны. – Увивался за тобой! Хотя ты, кроме Лёньки, тогда никого в упор не видела.

Напоминание о первой неудачной любви дало трещину в пригрезившейся гармонии. Тогда, семнадцать лет назад, Таня сбежала в город от разбитого сердца. У них с Лёнькой была бурная, но короткая любовь. Как это бывает в глупой юности, они поссорились, он сгоряча загулял с Натальей и та – вот оказия! – сразу забеременела. Татьяна не стала ждать развязки и просто уехала.

Последующие годы Таня, навещая бабушку Тату – свою тёзку Татьяну Тимофеевну, не появлялась в деревне. Домик Таты располагался на опушке леса, обособленно. В сельпо Тимофеевна ходила сама, Татьяна лишь давала деньги, следя, чтобы бабуля ни в чём не нуждалась.

Устроив в городе жизнь, Таня позаботилась чтобы отчий дом не обветшал. Благодаря внучке бабушка Тата последние годы провела на уютной «фазенде», как она звала деревенскую хатку, где стараниями Татьяны выкопали канализацию, провели газ и надстроили второй этаж.

Так что после смерти Таты Таня вернулась в уютное гнёздышко. «Судьба у меня такая, что ли, от измен мужиков бегать из деревни и обратно?» – думала она.

– Ну и что Анна? Не пошла к Михаилу? – машинально спросила тогда Татьяна у баб Нюры, выбирая кругленькие томаты на прилавке сельпо.

– Да как можно! Он же холостой! – баба Нюра даже голос понизила. – И ладно бы Анна была сама, ей-то что терять. Но вот присутствие Алёнки в доме неженатого мужика совсем неприлично! Стыд какой-никакой надо иметь.

В последующие дни Таня успела встретить почти всех. Её неприятно поразил вид пивного живота Леонида. Надо же, и это мачо, по которому она сохла! Артём был совсем не похож на него в юности: тонкий, высокий, с лукавыми ореховыми глазами, он контрастировал с коренастым отцом. Наталья тоже сильно изменилась, раздобрела – не узнать. А вот тихая Анна,

напротив, осталась почти такой же, как в их общей юности: невысокая, худенькая, с забитым взглядом серых глаз.

Больше всего Татьяну поразил Михаил. Тот ли это дрыщ, которого она едва замечала? Возмужал, раздался в плечах. Видный мужик. Один пронзительно синий взгляд чего стоит.

Невольно и незаметно для себя Таня начала по-соседски общаться почти со всеми односельчанами. Вот баб Нюра и прибежала к ней в экстренной ситуации. Приняла за свою.

– Подожди, баб Нюра, – Татьяна вдруг приостановилась, хотя уже слышала крики из дома Леонида – они были совсем близко.

– Ты сказала, что Наталья убьёт Анну и Лёньку. А его-то за что?

– Так самое главное я тебе не сказала. Леонид сильно разгневался на сына за непослушание и в споре выкрикнул, что всё равно будет как он сказал, потому что Артём и Алёнка – брат и сестра.

Баба Нюра торжественно умолкла, ожидая реакции. Но Таня не отвечала, и сплетница досадливо добавила:

– Это Лёнька оприходовал Анну шестнадцать лет назад. Знал: она никому не скажет.

Раздались выстрелы. Один и почти сразу другой.

– Ой, святые угодники, чё делается-то! – запричитала баб Нюра, едва поспевая за умчавшейся вперёд Татьяной.

Они прибыли на место драмы аккурат к развязке. Посреди двора, опустив голову, стоял Леонид. Его слегка шатало.

– Пьяный чуток, – шепнула баб Нюра. Уже придя в себя, она перемигивалась с остальными зеваками. Всё село собралось.

Михаил стоял у ворот, обнимая Анну. В другой руке он держал ружьё.

– Надеюсь, все успокоились? – строго произнёс он. – Отныне Анна будет жить в моём доме. А ружьё я конфискую от греха. Леонид, наведи порядок в своей семье!

На пороге появилась зарёванная Наталья с чемоданом.

– Я тут не останусь! – визгливо выкрикнула она.

– К матери, видать, подастся, в соседнее село, – снова тихонько прокомментировала происходящее баба Нюра. Вид у неё был как у кота перед миской сметаны.

Наталья скрылась со двора. Таня поискала глазами других участников драмы.

– А где же Артём и Алёна?

Анна тихонько заплакала.

– Сбежала она, – ответил Михаил Татьяне. – Отвезу Анну и отправлюсь на поиски. А Артёма в сарае заперли. Чтобы глупостей не наделал.

Леонид пошатываясь побрёл в дом. Зеваки стали медленно разбредаться. Баба Нюра неохотно покидала двор.

– Ты чего встала, Танюх? – потянула она Таню за руку.

– Артём – он так и просидит в сарае до утра?

– Он уж поди далеко, – усмехнулась баб Нюра. – Сбежал через окошко, как мальчишкой делал. Ой, что будет, что будет. Анна с Алёной теперь у Мишки поселятся, вот стыд-то! А Наташка учудила – от мужа законного сбежала. А всё от того что люди предела не знают. Ни Лёнька, ни Анна, ни Тёмка-засранец.

И увидев гневный взгляд Татьяны, баба Нюра спешно скрылась со двора.

Семья рушилась. Любовь приобретала уродливые формы. Всё, что было дорого Артёму, находилось под угрозой уничтожения. Его дорогая, обожаемая Алёнка – Алёнка, без которой он не мыслил жизни – оказалась его сестрой. Мать и отец были на грани развода. Атмосфера, в которой он жил, сочилась ложью. Уже которые сутки им владела слепая ярость.

В роковой вечер, разрушивший жизнь Артёма, дядя Миша, зная его горячий нрав, запер парня в сарае. Не на того напал! Ещё мальчишкой Тёмка в считанные секунды открывал щеколду изнутри. А уж теперь, когда Алёна сбежала неизвестно куда...

Но Артём знал, куда именно. И, выбравшись, целенаправленно пошёл в старый амбар на краю деревни. Алёнка сидела над обрывом мелкой речушки, протекавшей тут же. И столько в её позе было горя и решимости, что Артём чуть с ума не сошёл за те доли секунды, пока она не оказалась в его объятиях.

– Лёнушка, дурочка, ты что?! – закричал парень, тряся девушку за плечи. – Да как же я без тебя, да ты что удумала?

Его любовь приняла утрированную, болезненную форму. С самого детства они с Алёнкой были неразлучны. С момента, когда озорной кудрявый мальчишка с ореховыми глазами защитил пугливую сероглазую девчушку от собак.

Их связь была непрерывной, физически ощутимой. Артём сразу и твёрдо усвоил: они – единое целое, половинки, сам Бог связал их ещё до рождения. Оказалось, связал крепче некуда – кровными узами. Может быть, дурная кровь его отца или злой страх того, что Алёна может покончить с собой, толкнули в тот вечер Артёма на такой поступок.

Держа в объятиях любимую, он вдруг ощутил невыносимый жар и ломоту до бьющего крупной дрожью озноба.

– Да что ты, милый, – тревожно шепнула Алёна, – я и не думала...

Но Артём не слышал её. Никогда не позволявший себе ни малейшего насилия, парень вдруг превратился в одержимого самца. Охваченный горячкой мозг не сдерживал юное сильное тело.

Артём с неутолимой жадой впился в губы Алёнки. Не ожидавшая подобного напора, девушка сперва не сопротивлялась. Даже подалась навстречу любимому.

– Мне всё равно, что они говорят, – горячечно, прерывисто шептал Артём в коротких паузах между поцелуями. – Я люблю тебя, ты моя... Мы всегда будем вместе и плевать на всех!..

Не замечая напряжённости нежного тела в его объятиях, он продолжал расстёгивать платье, повалив Алёну на спину. Всегда доверявшая ему девушка попыталась слабо отстраниться, но оказалось, у Артёма железная хватка. К тому же, страсть одурманила и её.

Но, видно, ангелы-хранители ребят особо бдили в тот день, потому что в поле вдруг показался трактор дяди Михаила. Артём смутно помнил, как Алёна кричала: «Дядечка Миша, не бейте его! Он ничего не успел!», как дядька, всё же успевший отвесить ему пару крепких оплеух, поливал голову Артёма из бутылки и, наконец, оставил возле амбара «охлануть», увозя Алёну на тракторе.

Но парень не только не «охолол», его ярость достигла пика. Решив не возвращаться домой, он выкатил припрятанный в амбаре мотоцикл и понёсся по полю, распугивая жаворонков и оставляя за собой след из сломанных колосьев. Сломанных, как его любовь.

– Мы закрываемся через десять минут, – прошепелявил пухлый прыщавый парнишка с бейджилом «Бариста».

Надпись, конечно, преувеличивала. Но Татьяна бы не удивилась, если бы в единственном заведении на всю эту дыру, он был даже шеф-поваром.

– Тогда на посошок, ик!..

Стадия Таниного опьянения как раз дошла до отметки «ищу на попу приключений». Но вряд ли в райцентре, куда она приехала за посылкой – в деревне даже не было почтового отделения – Таня могла найти что-то большее, чем утреннее похмелье.

Хлопнула дверь.

– Артём Леонидович, – вскинулся «бариста», – вы за выручкой?

– Нет, Митя, кассу я не возьму. Отец сам завтра приедет. Дай мне немного на бензин, я у дяди Лёши только что заправился.

– Я оплачу, – угодливо отозвался Митя и выскочил за дверь.

Татьяна перевела слегка затуманенный взгляд на парня.

– И кто это у нас тут такой красивый? – она потрепала его по щеке.

Артём оценивающе прошёлся глазами по фигуре женщины снизу вверх. Надо же, мамкина ровесница, а как шикарно выглядит. Налитая статная фигура с тугим высоким бюстом, длинные, красиво очерченные ноги, яркий чувственный рот. А эти волосы цвета красного дерева и необычные тёмно-вишневые глаза с поволокой!

– Если не ошибаюсь, вас зовут Татьяна. Странно, что вы этого не помните, – ответил парень с усмешкой.

Женщина гортанно рассмеялась. Ну и подлец! Столь юный, но палец в рот не клади. Ух, от взгляда лукавых ореховых глаз, наверное, страдает немало девичьих сердец. Нравились Тане и его выующиеся каштановые волосы, собранные в короткий хвост. «Стиляга», – пришло на ум олдскульное словечко из юности.

– Я вижу, вы припозднились – почти девять вечера, автобусы уже не ходят. Если вам в деревню, могу подвезти. У меня мотоцикл.

– Что ж, похоже, выбор невелик.

Татьяна, прихватив сумочку, прошла мимо, покачивая бёдрами. Посылка осталась стоять под стулом. «Бариста» Митяй аж рот раскрыл, глаза из окна кафешки, как эта роскошная городская тёлка усаживается позади сопляка Тёмки. «Во дела! Тётка Нюра язык продаст за такую сплетню!»

Небо словно прорвало. Ливень хлынул внезапно, застав их посреди поля. Артём и Татьяна брели по колено в грязи, оставив заглохший мотоцикл прямо на просёлочной дороге.

«Надо же было додуматься обуть босоножки на каблуках! – мысленно негодовала на себя Татьяна. – Нашла где выржаться! Ещё и посылку забыла в этой забегаловке. Теперь возвращаться... Хорошо хоть протрезвела под дождём».

На трезвую голову ситуация уже не казалась Тане весёлым приключением. Она продрогла и хотела домой. А тут ещё Артём. О чём с ним разговаривать? Парень, пока они шли под дождём к амбару, не проронил ни слова. Так же молча он нагрёб копну свежего сена и начал снимать с себя одежду.

– Чего смотрите? – вполоборота спросил у застывшей Татьяны, скидывая футболку. – Летняя гроза – не шутки. Воспаление лёгких схлопотать – раз плюнуть. Надо согреться.

Таня переминалась с ноги на ногу, чувствуя неприятный холодок от прилипшего к телу платья.

– Мы зароемся в сено, – деловито продолжал Артём, не глядя на неё. Он уже был в одних плавках. – Но этого мало. Придётся обняться, – приблизившись почти вплотную, он в упор посмотрел Татьяне в глаза лучистым взглядом.

– Давайте, я помогу, – едва заметная усмешка коснулась ореховых глаз, когда бретелька упала с Татьяниного плеча.

– Говорю вам, он уехал с этой городской! Так спешили, она даже посылку забыла. Я взял коробку с собой, думал, передам после смены. А теперь мотык Артёма лежит посреди поля, а их и след простыл, – подытожил Митяй.

Разговор происходил на кухне Михаила. «Бариста» Митька, не застав своего работодателя Леонида дома, подался к его двоюродному брату. Тут же была и немая Анна.

– Надо ехать искать их, – протянул Лёнька. – Дождь утих, но раз мотык заглох, они должны были где-то укрыться.

Со двора послышался рокот тракторного двигателя.

– Какого чёрта! – удивлённо выпалил Михаил, подскочив к окну. – Алёна?!

– Ё-моё, совсем сбрендил девчонка! – хохотнул Леонид.

– Лёнька, быстро заводи машину, едем за ней! Митяй, давай с нами, покажешь, где Тёмкин мотык лежит! – кричал Михаил, выскакивая на крыльцо.

«Ух, тётка Нюрка с ума сойдёт от таких новостей!» – усмехнулся Митька, усаживаясь на заднее сиденье. Машина рванула с места.

– Всё обязательно будет хорошо, – шепнула Татьяна, на секунду прижав губы к виску Артёма. Влажные завитки его волос щекотали щёку.

Они лежали, глубоко зарывшись в сено, чтобы по минимуму соприкоснуться голой кожей. Но всё равно объятия были достаточно крепки, чтобы Таня ощущала жар юного тела Артёма.

Вначале, кое-как обтеревшись соломой, они так дрожали, что буквально бросились в объятия друг друга. В их стремлении не было ничего сексуального. Но теперь, когда они согрелись и можно было, в принципе, отодвинуться, Татьяна контролировала каждый вдох и выдох, боясь, что он угадает её мысли.

Потому и начала расспрашивать его об Алёне. Слушала, чтобы заглушить неистовый шум крови в ушах. А потом и правда прониклась, увидев заблестевшие в ореховых глазах слёзы.

– Судьба сыграла с вами злую шутку. Но всё обязательно будет хорошо, – утешала Татьяна, поглаживая голову парня, лежащую у неё на плече.

– Вы такая красивая, – вдруг тихо произнес Артём, заглядывая ей в глаза.

Таня закусила губу: «Ну, что же ты делаешь со взрослой тётёй, малыш. Ведь я стараюсь отвлечься от шальных мыслей».

– Я тебе в матери гожусь, – буркнула она, но не отодвинулась, лишь слегка отвернулась.

Он тихонько рассмеялся, и у Татьяны мурашки побежали по спине от этого звучания.

– Представить вас моей матерью – всё равно что мою мать – моей девушкой.

Татьяна раздосадованно повернулась, готовая дать резкую отповедь, но слова застряли в горле. Его лицо было совсем рядом. Жаркое дыхание обжигало её губы.

– Тёма, это ужасно неправильно, – севшим голосом шепнула Татьяна и скорее угадала, чем услышала его «я знаю», захлебнувшееся в поцелуе...

Яркий свет прорезал тьму амбара, и жуткий треск раздался над их головами. «Небеса не стерпели этого непотребства», – мелькнула у Тани мысль, пока они с Артёмом лихорадочно втискивались во влажную одежду, никак не желавшую натягиваться на разогретые тела.

Стены старого амбарчика ходили ходуном. Бах! – хлипкая дверь слетела с петель. Фары трактора осветили весь срам ситуации. Алёнка за рулём дышащего дизельным парами чудовища походила на ангела мести.

Через пару секунд амбар напоминал адский котёл: крики Алёнки, с воплями накинувшейся на Татьяну; ругательства Артёма, разнимающего женщин; голоса трёх мужчин, прибывших по горячим следам на место происшествия.

Всё это резко стихло, когда раздалась выстрелы. Михаил держал в руках ружьё, смотревшее дулом в небо.

– Прекратили балаган! – рявкнул он. – Алёна, а ну, марш в кабину!

Девушка съёжилась под гневным взглядом синих глаз.

– Тёмка, мы там твой мотык завели. Быстро скройся с моих глаз, пока я добрый! Леонид, развезёшь по домам Митьку и Татьяну. Я бы сам её отвёз, но им с Алёной сейчас в одну кабину нельзя.

Все покорно принялись выполнять приказы, отданные тихим строгим голосом. «Какая бабёнка! – кинул Митяй сальный взгляд в сторону Тани. – Я б её полюбил».

2

«Любовь слепа. Но возжеление – нет!»

Дон Жуан

На похоронах бабы Нюры не было ни Лёньки, ни Натальи, ни Артёма. Несмотря на это, Леонид полностью покрыл все расходы, связанные с погребением и даже повысил зарплату Митяю – единственному племяннику усопшей.

– М-да, Санта-Барбара заварилась не на шутку, – задумчиво протянул Михаил, стоя над могилой. Он держал Татьяну за руку. Та, хотя ей и было неловко на глазах всей деревни, ладони не отнимала.

– Я рада, что хоть Артём с Алёной могут быть счастливы, – тихонько шепнула она, делая вид, что не замечает любопытных взглядов окружающих.

– Будут ли?... – невесело усмехнулся Михаил.

После инцидента в амбаре Татьяна лишь через три дня вышла в деревню. Как и накануне, лил дождь. Но в домике закончился даже хлеб, и Тане пришлось идти в магазин. Брести по жидкой грязи в модных босоножках на танкетке – то ещё удовольствие.

Когда Татьяна достигла цели, её ноги были по колено в грязи, что совсем не добавляло уверенности. Но в самом сельпо стало намного хуже. Наверное, в деревню привезли свежие продукты, потому что в магазине толпился народ. Татьяна ожидала чего угодно – косых взглядов, перешёптываний, но только не полного игнора.

– Кило помидор, курицу и буханку хлеба, – твёрдо произнесла Татьяна.

Дородная продащица, скользнув по ней невидящим взглядом, повернулась к следующему в очереди:

– Петрович, тебе как обычно?

Таня попыталась отстоять свою позицию:

– Пожалуйста, я первая стояла.

Тётка с ухмылкой уставилась на неё. А спустя мгновение зычно крикнула вглубь лавки:

– Нинк, неси ссаную тряпку – блевотину подтереть, а то боюсь, я долго не продержусь.

В очереди послышался смех. Татьяна вспыхнула до корней волос, слова застряли в горле, и она с ужасом поняла, что не может сдержать слёз. Женщина опрометью бросилась из магазина, растолкав толпу. Позади слышались недовольные возгласы.

– Зря ты явилась, Танюха, – вкрадчиво пропела баба Нюра, выйдя следом. – Не место тебе в деревне, особенно теперь.

Татьяна не оглядываясь зашлёпала по размытой дороге. Домой она пришла босиком – босоножки безвозвратно погибли в грязи. Весь вечер Таня просидела над кружкой остывшего чая, пялясь в одну точку и тщетно пытаясь совладать с ознобом, колотившим её тело.

А наутро, выйдя на балкон, обнаружила сюрприз. На крыльце стояла её посылка, авоська с продуктами и высоченные резиновые сапоги размера на три больше – кричаще красные, как пожарная машина.

Татьяна могла подумать только на Михаила. «Всё-таки он такой добрый», – благодарность в ней смешалась с неким стыдом и толикой недовольства.

В посылке были её зимние вещи и записка: «Больше ничего твоего тут нет». Игорь. Несостоявшийся муж, на которого она пахала семь лет без отпуска. И вот результат. Отправил ей вдогонку жалкую коробку со шмотками, будто подчёркивая что это всё, чего она добилась в жизни.

В город возвращаться не к кому. И здесь, в родных пенатах, ей теперь не рады. Очень хотелось пожалеть себя. Но неожиданно пришла злость. Расшвыривая свитера вперемешку с крупами, Татьяна сцепив зубы шипела:

– Вот вам! Вот вам всем! Убирайтесь из моей жизни! Ненавижу! Не-на-ви-жу!

– Во даёт, – шёпотом присвистнул притаившийся в кустах Митяй, доставивший дары по заданию Михаила. И в тот же миг истошно заорал, получив тяжёлым резиновым сапогом прямо по физиономии.

– Ой! – Татьяна испуганно замерла, не ожидая увидеть свидетеля своего безумия.

Митька вышел из кустов и откровенно тарачился на женщину: в пылу Таня не заметила, как слезла бретелька сарафана.

– Хозяюшка, может, чарку нальёшь да приголубишь? А то сапогом в морду за мои старания – негоже...

С ухмылкой он медленно приближался, переваливаясь как медведь. В мгновение ока второй сапог, пущенный меткой рукой, ощутимо ударил его в плечо. Татьяна, истерически хохоча, скрылась за дверью.

Какое-то время она ощущала животную вонь, исходившую от деревенского дурачка, и слышала его обиженное сопение. Потом Митяй ушёл. «Ну и влипла ты, Татьяна», – прикусив кулак, чтобы сдержать рыдания, подумала она.

– Алёна! Алёнаа!!! Выходи, нам надо поговорить!

Алёнка, сидевшая за ужином с матерью и дядей Мишей, не поднимала глаз от тарелки. Анна бросила тревожный взгляд на хозяина дома.

– Да он никак пьян, – буркнул Михаил, вставая из-за стола.

– Тёмка, уходи лучше подобру-поздорову, – негромко и твёрдо произнёс мужчина, выйдя на крыльцо.

– Дядька, пусти! – Артём смотрел стеклянным взглядом, рот болезненно кривился. – Я должен ей сказать, понимаешь, должен рассказать правду...

Михаил придержал рвущегося в дом племянника за плечо.

– Вы брат и сестра. Это всё, что имеет значение. Девчонка уже смирилась, пережила, так сказать, зачем душу ей бередить. Уходи!

– Дядька, – зарыдал Артём, – да как же я жить-то буду?..

– Мужиком будь! – Михаил сурово тряхнул парня. – Обстоятельства ты изменить не можешь. Так прими какое-нибудь стоящее решение, чтобы всем стало легче.

Он с сожалением покачал головой вслед бредущему с опущенной головой племяннику.

– Надо хотя бы хлеб пойти подобрать, – сказала вслух Татьяна, собираясь с духом. Ей казалось, что Митяй всё ещё караулит в кустах со вчерашнего дня.

Осмелившись выйти на крыльцо, женщина ахнула: разбросанные накануне вещи были аккуратно сложены стопочкой, продукты собраны, а из единственного красного сапога торчала охапка васильков. Тут же была бутылка парного молока.

«Зря ты так с сапогами. Не "Гучи" какие, но пригодились бы, – гласила приколотая к двери записка. – Молоко утреннее, если обнаружишь после полудня – не пей, сделай творог».

От наставительно-заботливого тона записки Татьяна невольно улыбнулась. Даже без подписи было ясно, кто загадочный даритель.

Весь день она провозилась с творогом, неосознанно напевая себе под нос. А на следующее утро чуть свет была на ногах: лепила вареники, будто поджидая кого в гости. И подкараулила: Михаил явился, неся второй сапог, наполненный маргаритками. Едва резиновая подошва коснулась крыльца, дверь открылась настежь.

– Может, зайдёшь? – смешливо блеснула вишнёвыми глазами Татьяна. – Я вареники с творогом приготовила.

Замерший на мгновение Михаил, отступил на шаг и сказал буднично:

– Я уж позавтракал, Анна чудесно готовит.

Синие глаза смотрели спокойно, но отчего то в его тоне Татьяна узрела укор. Злость вспыхнула мгновенно.

– Конечно, я не чета вашим деревенским святым. Я даже продукты недостойна купить в вашей лавке. Спасибо, хозяин добрый, что с голоду помереть не даёте!

Михаил удивлённо смотрел на эту вспышку. Шагнул к Тане, желая успокоить, и тут же получил звонкую оплеуху.

– Мать твою ети, ненормальная баба!

Этого уже Татьяна стерпеть не могла. Не думая, насколько он сильнее её, набросилась с яростным шипением на Михаила, колотила кулачками в грудь, казалось, сделанную из гранита. А он, недолго думая, схватил её в охапку и потащил в дом. Головой окунуть в воду, чтоб остыла.

Они боролись как бешеные. Он даже представить не мог, что в ней столько ярости. Таня отбивалась, не замечая, что лямки сарафана сбились в сторону, приоткрывая свободную от лифчика грудь. И в какой-то момент она извернулась, прижатая спиной к могучему торсу, и ощутила его желание.

Они оба замерли, тяжело дыша после схватки. Руки Михаила вдруг стали очень нежными, неуверенными. Он исследовал её округлый крепкий живот, мягко гладил налитую грудь, зарывался лицом в волосы на затылке.

От его действий у неё мурашки побежали по спине, а внизу живота будто разлился горячий густой мёд. И когда Татьяна, поддаваясь неожиданно подкравшейся истоме, урча потёрлась ягодицами о его пах, мужчина потерял голову.

Будто путники, достигшие желанного оазиса, они набросились друг на друга с обжигающим пылом. Татьяна чуть не расплакалась, ощутив мощный глубокий толчок внутри себя и, окончательно потеряв голову, задвигалась в едином ритме ему навстречу.

– Миша, – Татьяна шепнула, сидя на кровати – совершенно изнуренные, они наконец переместились с кухни в спальню, – а что будет завтра?

Михаил опустил у её ног, взял стопу в руки и перецеловал каждый пальчик.

– Завтра, Танюша, солнце как обычно встанет на востоке. Об остальном не беспокойся.

– Не пущу! Только через мой труп! – истерически визжала Наталья, вцепившись в наголо обритого сына.

– Мам, – Артём мягко убирал её руки, – уже всё решено. Я получив повестку и пойду в армию.

– Получил повестку?! Будто отец ещё в прошлом году не отнёс в военкомат барсетку денег! Знаю я, как ты её получил! Сам пошёл! Из-за Алёнки этой проклятой!

Артём, побледнев, резко развернулся и устремился прочь из дома. Мать сгоряча могла наговорить много недобрых слов.

– Сыночка, миленький, не уходи! – верещала женщина, настигая Артёма у самых ворот. – Всё будет, всё, что хочешь! И Алёнка твоя, раз тебе так неймётся! Хочешь, сейчас же поедем за ней? Хочешь?

Артём круто повернулся к матери:

– Мам, ты что такое говоришь! Будто она вещь какая. Да ведь сестра она мне.

Растрёпанная Наталья, икая и размазывая слёзы по красному опухшему лицу, быстро зашептала:

– Не сестра она тебе, слышишь? Да, Лёнькина дочь, его, кобеля. Но вот только ты не его сын. Дядька Михаил твой отец. Так что будет тебе твоя Алёна, если хочешь! – и видя, как отпрянул Артём, вцепилась в его плечи и заголосила: – Ты понял, что я сказала?! Не надо тебе в эту клятушую армию!

Вырвавшись, Артём побежал вниз по улице. Наталья рыдала, ломая руки.

– Что, Наташк, будет что муженьку рассказать, когда с райцентра вернётся? – послышался вкрадчивый голос.

Баба Нюра стояла тут же, довольно щурясь. Наталья панически заметалась: она видела мелькавшие за заборами любопытные взгляды соседей.

– Ах ты, карга проклятая! – накинулась Наталья на пожилую сплетницу. – Да чтоб ты сдохла!

Михаил, поднимаясь к дому брата, услышал дикие крики и пустился бежать. Возле Лёнькиных ворот собралась толпа. В центре лежала баба Нюра. А стоявшая тут же Наталья кричала не своим голосом:

– Я не виновата, ей плохо стало! Я ни в чём не виновата!

Хоронили бабу Нюру лишь спустя две недели. Михаил, чтобы очистить имя невестки, добился вскрытия и заключения медэксперта из области. Баба Нюра действительно умерла от сердечного приступа, а не от побоев.

Наталья вернулась в дом мужа, окончательно. После случившегося у них вроде как даже наладилось. Хотя никто так и не узнал, о чём говорили супруги за закрытой дверью.

Анна всё время плакала, глядя на дочь. Алёна ждала Артёма. Но он не приходил. Михаил же разрывался между Татьяной и сыном. Того как подменили. Он несколько раз напивался, устраивал драки с парнями из района. Никто и подступиться к нему не мог. А Татьяна была услугой Михаила. Каждый вечер, разуваясь у неё в прихожей, он заключал её в объятия и в тот момент понимал, ради чего живёт.

– Ты останешься? – в который раз заглядывал он ей в глаза.

– Куда ж я денусь, – всё время отвечала она, слабо улыбаясь.

Гроб опустили в могилу, на крышку посыпались комья земли.

– Ты плохо себя чувствуешь? – обеспокоенно спросил Михаил, видя, как побледнела Татьяна.

– Видимо, солнце напекло. Такая жара. Я хочу домой.

– Попрошу кого-нибудь из парней отвезти тебя, мне задержаться надо.

С работниками Михаила Таня ездить не боялась. Его уважали. Да и деревенские уже поутихли, не выражая агрессии в её сторону.

– Спасибо, Лёша, – поблагодарила Татьяна, хлопнув дверью машины.

– Не за что, Татьяна Игоревна, рад служить, – улыбнулся парень, заводя мотор.

Зайдя в дом, Таня какое-то время не решалась взять аптечку.

– Ты как маленькая, – поддразнила она сама себя. – Раньше узнаешь, раньше успокоишься.

Она распаковала тест и решительно направилась в туалет...

Лёжа на кровати, Татьяна уже который час глазела в потолок. Две полоски. Неудивительно, учитывая, чем они занимались с Мишей последние три недели. Но всё же неожиданно.

Она должна была бы радоваться, но липкий гадкий страх и стыд сковали сердце. Он ни разу не сказал, что любит её. Но Таня читала это во взгляде синих глаз, угадывала по тому, как трепетно он касался её. Любит. Но поверит ли? Тут она не была уверена.

Послышался стук в дверь. Помедлив, Татьяна поднялась с постели. Всё равно этот миг когда-нибудь наступит. Неспешно спускаясь по лестнице, она мысленно прокручивала в голове слова, которые скажет Михаилу.

Затаив дыхание, Таня распахнула дверь и остолбенела. Мысли о Михаиле, инциденте с Артёмом, беременности мгновенно вылетели из головы.

– Игорь?..

Находясь в тот вечер в доме Михаила, Татьяна недоумевала, как дала себя уговорить. По плану она должна была быть далеко отсюда.

Алёна, которая и собрала всех присутствующих, обвела взглядом уютную кухню: помимо хозяина тут собрались Анна, Артём и Игорь. Последнему просто некуда было деваться. Артём вышел и встал рядом с любимой, взяв её за руку в знак поддержки.

– Не буду ходить вокруг да около, – спокойно произнесла Алёна. – Мы с Артёмом пригласили вас на сватанье.

– Да, – поддакнул парень, – быть свадьбе.

Среди гостей поднялся лёгкий ропот. Татьяна, ощутив лёгкую тошноту, мысленно вернулась в сегодняшнее утро...

– Это просто цирк с конями! – заорал Игорь, резко выворачивая руль. Машину занесло на размытой просёлочной тропе по пути в райцентр, колёса заскользили по придорожной траве. Секунда – и авто врезалось в трансформаторный столб.

– Чёрт возьми! Это жесть! Я страховку не продлил! – вопил мужчина, бегая под дождём вокруг дымящегося капота.

Татьяна, с трудом выбравшись с переднего сиденья, заковыляла обратно в деревню. Переезд в город не состоялся.

Впрочем, как и её лето, да и вся жизнь.

Пока Таня, прихрамывая и ощупывая живот, шлёпала по лужам в домик на опушке леса, она думала, как вышло, что, по сути, у её ребенка не будет ни одного отца. «А тебе бы сразу трёх!» – иронично усмехнулась про себя. Да нет, всего одного. Но как же доказать, что это его ребёнок?

Игорь подходил на роль отца едва ли лучше Артёма. Но он хотя бы был совершеннолетний и вернуться к нему казалось меньшим из зол. О Михаиле Татьяна вообще предпочла бы не думать, но думала постоянно. Когда она объявила, что уезжает обратно в город, да ещё с Игорем, так внезапно появившимся на её пороге, синие глаза потухли, будто подёрнутые пеплом.

Неверный же жених буквально умолял о прощении, каялся, называл себя дураком, а Таню – любовью всей его жизни.

– Ленка была огромной ошибкой! Я никогда её не любил. Всё это время вспоминал годы, проведённые вместе, и сразу приехал, как только понял, что больше не могу без тебя!

Не то чтобы она ему поверила. Просто решила, что этот вариант не худший. Всё равно с Михаилом ей не быть. Да и в деревне житья бы не стало. И Татьяна позволила себя увезти. О беременности решила пока не говорить. Но пришлось, когда на пути в райцентр её сильно затолщило в машине.

Услышав новость, Игорь словно с цепи сорвался. Говорил, что не собирался становиться отцом, да и вообще, предупреждать надо. Обычно покладистая Татьяна резко ответила, завязалась ссора и как результат – авария.

Слыша, как Игорь матерясь бредёт позади – смеркалось, идти в райцентр было дальше, чем до деревни – она думала, что лучше уж ещё одну безотцовщину воспитает, чем такой отец...

Татьяну вывел из раздумий резкий голос Михаила:

– От армии, что ли, решил откосить таки? – брякнул он.

Было видно, что Мише неловко в собственном доме. Он украдкой смотрел на Татьяну. Но она, сидя в противоположном углу, избегала его взгляда.

– Нет, дя... отец, я слово своё сдержу. Через месяц призыв. Тем более освобождение, как и отсрочку, можно получить только если отцом собираешься стать, а не мужем. А Алёна не беременна. Мы не торопимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.